

ТРУДЫ
ОРЕНБУРГСКОЙ
УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ.
OEUVRES

DE LA COMMISSION SCIENTIFIQUE DES ARCHIVES
D'ORENBourg. RUSSIE.

2-86576

— ❦ —
ВЫПУСКЪ XXX.
— = —

Tome XXX.
— ❦ —

ОРЕНБУРГЪ.

Электро-Типографія Тург. Област. Правленія.

1 9 1 4 Г.

Оренбургская областная
библиотека им. Н. А. Зрункой

съ тѣмъ, чтобы начальники оныхъ оказали ему помощь и поимкѣ хищниковъ. Отѣхавши съ командою верстѣ 30 отъ р. Урала, встрѣтилъ онъ казаковъ Каленовскаго форпоста и увидѣлъ сказанныхъ воровъ до 80 человекъ съ распушеннымъ значкомъ подъ предводительствомъ, какъ онъ узналъ, Байбахтинскаго рода батыря Науче—Карчау, который по приближеніи отряда бросился на нихъ и ранилъ урядника Балкина и казаковъ Петра Раннева и Дениса Трифонова, причемъ отбилъ трехъ лошадей, принадлежащихъ уряднику и казакамъ: Николаю Ранневу и Ивану Лукову. Изъ хищниковъ отрядомъ убито пять и ранено 10 человекъ и убиты 4 лошади, а также отнято изъ оружія холоднаго пять пистолетовъ и двѣ стрѣлы съ коньями, четыре сѣдла и другіе вещи.

Вышеописанныя дѣйствія въ борьбѣ казаковъ съ хищниками киргизами, составляя выдающіеся отдѣльно случаи какъ по распоряженіямъ въ преслѣдованіи, такъ и по боевому сопротивленію, казалось-бы имѣютъ историческое значеніе для казаковъ Оренбургскаго и Уральскаго войскъ; между тѣмъ множество подобныхъ дѣлъ архива предназначены „уничтоженію“, тогда какъ ихъ слѣдовало-бы хранить.

Отъ редакціи.—Извѣстно уже, что въ общемъ засѣданіи Ученой Архивной Комиссіи постановлено: дѣла предназначенныя прежнему Комиссіею къ „уничтоженію“ хранить, разобрать ихъ вновь. Разборка эта будетъ произведена предстоящимъ лѣтомъ, такъ какъ помѣщеніе архива зимою отапливается.

(Оренб Л. 1890 г., № 8).

Хивинскій походъ въ 1839 - 1840 году

*) Авторъ записокъ, будучи еще юношей 20 лѣтъ, принималъ участіе въ хивинской экспедиціи въ должности топографа.

*) (По запискамъ полковника Зеленина).

съ тѣмъ, чтобы начальники оныхъ оказали ему помощь въ поимкѣ хищниковъ. Отъѣхавши съ командою верстъ 30 отъ р. Урала, встрѣтилъ онъ казаковъ Каленовскаго форпоста и увидѣлъ сказанныхъ воровъ до 80 человекъ съ распушеннымъ значкомъ подъ предводительствомъ, какъ онъ узналъ Байбахтинскаго рода батыря Науче—Карчау, который по приближеніи отряда бросился на нихъ и ранилъ урядника Балдина и казаковъ Петра Раннева и Дениса Трифонова, причемъ отбилъ трехъ лошадей, принадлежащихъ уряднику и казакамъ: Николаю Ранневу и Ивану Лукову. Изъ хищниковъ отрядомъ убито пять и ранено 10 человекъ и убиты 4 лошади, а также отнято изъ оружія холоднаго пять пистолетовъ и двѣ стрѣлы съ копьями, четыре сѣдла и другіе вещи.

Вышеописанныя дѣйствія въ борьбѣ казаковъ съ хищниками киргизами, составляя выдающіеся отдѣльно случаи какъ по распоряженіямъ въ преслѣдованіи, такъ и по brave сопротивленію, казалось-бы имѣють историческое значеніе для казаковъ Оренбургскаго и Уральскаго войскъ; между тѣмъ множество подобныхъ дѣлъ архива предназначены на уничтоженію*, тогда какъ ихъ слѣдовало-бы хранить.

Отъ редакціи.—Извѣстно уже, что въ общемъ засѣданіи Ученой Архивной Комиссіи постановлено: дѣла предначиненныя прежною Комиссіею къ „уничтоженію“ хранить, разобрать ихъ вновь. Разборка эта будетъ произведена предстоящимъ лѣтомъ, такъ какъ помѣщеніе архива зимою отапливается.

(Оренб Л. 1890 г., № 8).

Хивинскій походъ въ 1839 - 1840 году.

*) Авторъ записокъ, будучи еще юношей 20 лѣтъ, принималъ участіе въ хивинской экспедиціи въ должности топографа.

*) (По запискамъ полковника Зеленина).

Военный губернаторъ Перовскій лично испросилъ у Императора Николая Павловича дозволеніе предпринять экспедицію въ Хиву, съ цѣлью наказать хивинцевъ за поощреніе киргизовъ увлекать въ плѣнъ русскихъ людей и продавать ихъ въ Хиву; вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалось освободить и массу русскихъ, томившихся въ хивинской неволѣ.

На экспедицію эту отпущено было изъ казны болѣе 2½ милліоновъ ассигнаціонныхъ рублей. Главнымъ руководителемъ снаряженія экспедиціи былъ генеральнаго штаба, капитанъ Никифоровъ, — личность замѣчательная по уму, энергіи и тому довѣрію, которое имѣлъ къ нему Перовскій, Никифоровъ, между прочимъ, обладалъ такою громадною памятью, что не затруднялся диктовать прямо набѣло тремъ писарямъ различныя по содержанію бумаги.

Въ 1839 г. киргизская степь была почти неизвѣстна, и если кое-что мы знали о ней, то лишь по словамъ бѣжавшихъ изъ плѣна, слѣдовательно, знали мало и сбивчиво, а потому Перовскій въ началѣ лѣта этого года послалъ для изслѣдованія степи съемочную партію съ сильнымъ конвоемъ. Обязанностью партіи кромѣ изслѣдованія степи было также устроить два операціонныхъ пункта на предметъ заложенія укрѣпленій, въ которыхъ предполагалось сложить продовольственные запасы для экспедиціоннаго отряда: такихъ пунктовъ нашлось два: одинъ на р. Эмбѣ въ 500 верстахъ отъ Оренбурга на устьѣ рѣчки Аты-Якши, а другой около озера Чучка-Куль, отъ Эмбенскаго укрѣпленія въ 170 верстахъ, а отъ Усть-Урта въ 12 в. Укрѣпленія эти были снабжены еще съ лѣта 1839 г. сѣномъ и запасами изъ Оренбурга.

Экспедиціонному отряду назначено было выступить въ половинѣ ноября и въ половинѣ декабря сосредоточиться на Эмбѣ, откуда предполагалось, если на Усть-Уртѣ имѣется снѣгъ, двинуться далѣе и пройти все безводное пространство до Аральскаго моря. Въ составъ отряда вошли: батальоны, расположенные по Оренбургской линіи, Оренбургскіе и Уральскіе казаки, дивизіонъ конно-регулярнаго Уфимскаго полка и

казацья артиллерія съ нѣсколькими орудіями 12 фунтоваго калибра. Приблизительно отрядъ состоялъ съ небольшимъ изъ 5 тыс. человекъ, раздѣленныхъ на 4 колонны, въ каждой изъ которыхъ было по 3 тыс. верблюдовъ. Четвертая колонна была штабная; при ней были артиллерійскій паркъ, госпиталь, церковь, нѣсколько лодокъ для Аральскаго моря, вслѣдствіе чего въ этой колоннѣ было болѣе 4 тыс. верблюдовъ и при этомъ лодки везлись на быкахъ. Запасовъ разныхъ взято было множество: одного бульону было болѣе 200 пудовъ, не смотря на то, что было взято множество колотыхъ барановъ и живого скота. У одного Перовскаго было навьючено припасами до 140 верблюдовъ. Командирами колоннъ были: ген.-м. Цюлковскій, кстати сказать, озлабленный и жестокосердный человекъ, командиръ конно-казацьеи артиллеріи — полковникъ Кузьминскій, начальникъ 28 пѣх. дивизіи — ген.-лейт. Толмачевъ и наказный атаманъ Оренб. каз. войска — ген.-м. Молоствовъ. При послѣдней колоннѣ былъ и главный штабъ, начальникомъ коего состоялъ полковникъ Ивановъ, а дежурнымъ штабъ-офицеромъ гвардейскій капитанъ Дебу. При штабѣ-же слѣдовали 12 топографовъ, изъ коихъ въ каждую колонну было откомандировано по два и по одному офицеру съ должнымъ количествомъ геодезическихъ инструментовъ.

Выступленіе колоннъ изъ Оренбурга началось 15 ноября и кончилось 18-го. При навьючиваніи верблюдовъ сразу оказалась страшная кутерьма, такъ какъ на каждые десять верблюдовъ назначался всего одинъ киргизъ, которому, конечно, не было никакой возможности скоро навьючить ихъ, вслѣдствіе чего въ помощь киргизамъ даны были пѣхотныя солдаты, но они были новичками въ этомъ дѣлѣ; верблюды натирали спины отъ неумѣлой укладки и, пока солдатики выучились вьючить, отряды едва успѣвали выходить въ полдень. Колонны выступали различными путями: изъ нихъ двѣ направлены были на Илецкую Защиту, а двѣ на Кураминскую крѣпость, и въ 50 верстахъ за Григорьевскимъ форпостомъ у Караваннаго озера, должны были сойтись и затѣмъ слѣдовать, останавливаясь на ночлегахъ и водопояхъ карре-

Отъ неумѣлой навьючки колонны двигались черепашьимъ ходомъ, не болѣе 10 верстъ въ переходъ. Но вотъ съ 20 ноября пошелъ сильный снѣгъ, а съ 27 задули бураны при 27° мороза. Тутъ ужъ начались бѣдствія и прежде всего много появилось поморозившихся солдатъ, стоявшихъ на чачахъ, а однажды отъ сильного бурана лошади сорвались съ новязи и убѣжали, такъ что нѣкоторыхъ едва отыскивали, а другія совсѣмъ пропали. Снѣгъ выпалъ болѣе аршина а при морозахъ такъ окрѣпъ, что образовался черепъ (?), а это вредило верблюдамъ, которые праваливались и выбивались изъ силъ: такой скотъ былъ оставляемъ на произволъ судьбы. Ъхавшіе въ арьергардѣ казаки пользовались подобными случаями: они снимали вьюкъ съ верблюда и, если онъ былъ съ овсомъ или сухарями, разбирали его по торбамъ, а если со спиртомъ, то разливали его по манеркамъ. боченокъ же разбирали на топливо; когда-же попадалась мука, ее разсыпали, а куль брали опять-же на топливо, въ которомъ отрядъ сильно нуждался, не находя его нигдѣ по случаю глубокаго снѣга.

Къ 6-му декабря отрядъ дошелъ до урочища Бишъ-тамъ на 250 верстъ отъ Оренбурга. Здѣсь произвели дневку и по случаю тезоименитства Государя разбили походную церковь, въ служили только молебень въ виду мороза въ 42° и сильного сѣвернаго вѣтра. Такъ какъ топлива не было, да и достать было негдѣ, потому что снѣгъ здѣсь былъ глубиною 1½ аршина, то Перовскій приказалъ выдать на варку пищи пудки, а также дроги изъ подъ нихъ, всѣ канаты, свободные кули и лишнія веревки; когда-же и это все вышло, то обвѣщено было войскамъ самимъ изыскивать топливо. На солдатахъ одежда была изъ дрянныхъ овчинъ, а потому многие простуживались, уходили въ лазаретъ, а оттуда навѣки — въ землю. Коннымъ было легче, чѣмъ пѣхотѣ, да и одѣты они были теплѣе. Но вотъ уже вышло все сѣно. Тогда лошади были пускаемы на тебеневку; однако при глубокомъ снѣгѣ одножноваго корма достать было негдѣ. Тутъ казаки пускались на воровство транспортнаго овса; высмотрѣвши, что ча-

совой у овса гдѣ - нибудь спрятался отъ бурана, казакъ зацѣпить крючкомъ куль съ овсомъ, самъ уйдетъ въ жуламейку и оттуда веревкою притянетъ добычу. Этимъ способомъ почти все лошади казаковъ во весь походъ были сыты, пехотные же въ аррьергардѣ казаки были болѣе того обезпечены: они пользовались сухарями, водкой и мясомъ; оттого за весь походъ у Уральцевъ умеръ одинъ лишь казакъ, да и у Оренбуржцевъ— немного.

При морозахъ въ 40° и сильныхъ буранахъ больше всего страдали часовые и бывали случаи, что замерзали. Не смотря на это, облегченій въ часовой службѣ не полагалось. Авторъ помнитъ такой случай. Въ одну изъ морозныхъ ночей солдатъ стоявшій на часахъ, ознобивши себѣ руки, поставилъ ружье и вздремнулъ за сложенною въ кучу кладью; въ это время проходилъ патруль и не будя часового, унесъ его ружье. Когда часовой проснулся и увидѣлъ, что ружья нѣтъ, то бросился въ сосѣдную колонну и въ свою очередь похитилъ ружье у часового; но по номеру ружья былъ уличенъ въ продѣлкѣ. Дѣло доложили Перовскому, который хотѣлъ наказать солдата снисходительно и этимъ покончить. Но Цюлковскій настоялъ на преданіи солдата полемому суду и конечно, виновный былъ разстрѣлянъ. Событіе это возмутило весь отрядъ, который громко обвинялъ Цюлковскаго въ жестокости. Вотъ и еще одинъ изъ сотни примѣровъ жестокости Цюлковскаго. Онъ отдалъ по колоннѣ приказъ, чтобы верблюдовъ выучили съ 2-хъ часовъ ночи и чтобы жуламейки были убираемы до свѣта. Приказъ, хотя былъ тяжекъ, но болѣе или менѣе исполнялся. Но однажды въ началѣ декабря около 6-ти часовъ утра Цюлковскій, проѣзжая по отряду, увидѣлъ, что одна жуламейка осталась еще неубранною, — это его всбѣсило. Жуламейка оказалась принадлежащею фельдфебелю Ясыреву, который находился на работѣ при навѣсываніи верблюдовъ съ 2 ч. ночи. Не принимая никакихъ резоновъ, Цюлковскій наказалъ Ясырева 250-ю казацкими палками такъ жестоко, что несчастнаго отправили въ лазаретъ. Все мы думали, что Ясыревъ умретъ но онъ остался

живъ и былъ переведенъ впоследствии въ казачье войско, жмлъ въ Магнитной крѣпости и дослужился до есаула. Вообще немногіе изъ колонны Цюлковскаго остались неугощенными нагайками, а оттого выходило, что многіе изъ его колонны замерзали и больныхъ у него сравнительно всегда было больше. Особенно было много страдавшихъ скорбутомъ.

По предположенію экспедиція должна была пройти разстояніе отъ Оренбурга до Эмбенскаго укрѣпленія въ 15 дней, а пришла только чрезъ 34 дня, т. е. 19 декабря. Причинами замедленія были глубокій снѣгъ, морозы и бураны. Прибытіе на Эмбу всѣхъ обрадовало: больныхъ помѣстили въ теплый лазаретъ, а салдатъ—въ землянки. На этой стоянкѣ былъ выдаваемъ настоящій печеный хлѣбъ, которымъ солдаты прямо лакомились. Овса выдавалось лошадямъ по 4 гарнца въ сутки и по 10 ф. сѣна изъ запасовъ, сдѣланныхъ въ укрѣпленіи раньше. Простоявъ на Эмбѣ двѣ недѣли и отдохнувъ, стали обсуждать вопросъ: идти-ли далѣе или возвратиться назадъ? Перовскій рѣшилъ идти далѣе на Чучка-Куль, чтобы оттуда изслѣдовать подъемъ на Усть-Урестъ. Но прежде выступленія отряда произошелъ слѣдующій непріятный инцидентъ.

Въ одну изъ темныхъ ночей нѣсколько погонщиковъ изъ киргизовъ, захвативъ часть верблюдовъ, штукъ до 30, ушли въ свои аулы. Перовскій разгнѣвался; онъ приказалъ собрать остальныхъ киргизовъ и объявилъ имъ, чтобы они не смѣли впредь дѣлать подобнаго, иначе съ нихъ будетъ строго взыскано. Однако киргизы рѣшительно заявили, что и они дальше не пойдутъ; ни убѣжденіе, ни угрозы не помогали. Тогда Перовскій сказалъ, что велитъ ихъ разстрѣлять. „Ну, что-же, стрѣляй!“, отвѣтили киргизы, „а мы не пойдемъ!“ Нечего дѣлать: вырыли яму, поставили столбъ, явились 12 стрѣлковъ, взяли перваго попавшаго киргиза и привязали къ столбу. Киргизъ шелъ свободно, безъ всякаго страха, воображая, вѣроятно, что это будетъ одна лишь угроза, но когда раздался выстрѣлъ и киргизъ упалъ въ яму, когда съ другимъ произошло то-же, а также и съ третьимъ, то всѣ остальные погон-

щики упали на колѣни и закричали: „Аллахъ! Идемъ, идемъ все!“! Послѣ этого ни одинъ уже киргизъ не сопротивлялся и побѣговъ болѣе не было. Во время этой же стоянки Цюлковскій былъ отчисленъ въ штабъ, такъ какъ свѣдѣнія о жестокостяхъ его обращеніи съ людьми дошли до Перовскаго.

Пока готовились къ походу на Чучка-Куль, вдругъ пришло оттуда донесеніе, что отрядъ хивинцевъ до 2 т. человекъ сдѣлалъ нападеніе на укрѣпленіе, но былъ отбитъ. Въ томъ же донесеніи сказано было, что хивинцы намѣреваются напасть и на Эмбенское укрѣпленіе, при этомъ начальникъ Чучка-Кульскаго укрѣпленія доносилъ, что больныхъ у него масса и помѣщать ихъ некуда. Перовскій немедленно послалъ въ укрѣпленіе все необходимое съ конвоемъ изъ роты солдатъ и съ нѣкоторымъ количествомъ казаковъ. Ротою командовалъ поручикъ Ерофеевъ, которому было приказано взять больныхъ изъ Чучка Куля и доставить на Эмбу. Отрядъ Ерофеева быстро собрался и выступилъ, но по случаю сильной стужи шелъ въ безпорядкѣ и передъ вечеромъ намѣревался остановиться близъ горы. Вдругъ изъ-за нея налетѣли хивинскіе всадники (до 2 т.) и сразу отхватили до 30 переднихъ верблюдовъ, нагруженныхъ сухарями, крупой и овсомъ, а также захватили съ собою одного солдата, сдѣлваго на верблюдѣ. Пока отрядъ строился въ карре, хивинцы успѣли раздѣлить добычу и, видя малочисленность русскихъ, рѣшили задавить ихъ массою. Однако сдѣланное ими нападеніе было отбито. Видя неудачу, хивинцы раздѣлились на двѣ части и стали заѣзжать съ двухъ сторонъ, но ружейнымъ огнемъ были опять отбиты. Отѣхавъ на разстояніе далѣе ружейнаго выстрѣла, часть хивинцевъ, сѣшнвившись, погнала впередъ захваченныхъ верблюдовъ, а сами шли за ними, но солдаты дружно встрѣтили атакующихъ огнемъ и обратили ихъ въ бѣгство. Между тѣмъ смеркалось. Отрядъ выставивши наблюдательные караулы, зажегъ костры и началъ готовить пищу, какъ вдругъ раздались новые выстрѣлы, которыми одинъ изъ казаковъ былъ убитъ, а другой—раненъ. Огни погасили. Тутъ Ерофеевъ увидалъ, что хивин-

цы едѣлали изъ снѣга брустверъ и изъ-за него стрѣляли по видимой цѣли на огонь. На вызовъ Ерофеева атаковать брустверъ охотниками вышли унтеръ офицеръ и 10 рядовыхъ, которые штыками перекололи нѣсколькихъ хивинцевъ и одного взяли въ плѣнъ. Но этотъ несчастный, приведенный въ отрядъ, былъ солдатами заколотъ. Тѣмъ и окончилось нападеніе хивинцевъ. Перовскій далъ храбрецамъ—охотникамъ по георгіевскому кресту, а унтеръ офицера кромѣ того представилъ въ прапорщики. Ерофеевъ получилъ Владиміра съ бантомъ и представленъ къ чину штабсъ-капитана. Впослѣдствіи узнали, что захваченный хивинцами солдатъ былъ изжаренъ. Однако и изъ партіи хивинцевъ немногіе вернулись домой: большая часть позамерзла или перебита была русскими пулями.

Простоявъ на Эмбѣ еще недѣлю (третью), отрядъ выступилъ на Чучка-Куль. Перовскій же и Никифоровъ остались въ мѣстѣ для того, чтобы написать и отправить въ Петербургъ донесенія. Командиръ штабной колонны—Молоствовъ также остался по случаю болѣзни, а вмѣсто него въ командованіе вступилъ Цюлковскій. По предложенію Перовскаго было рѣшено по прибытіи въ Чучка-Куль развѣдать подъемъ въ Усть-Уртъ и, если бы оказалось удобнымъ подняться съ отрядомъ и путь по Усть-Урту можно пройти, то продолжить его къ Хивѣ, при неудобствѣ же пути возвратиться на Эмбу и перезимовавъ, открыть походъ съ весны.

Съ выступленіемъ отряда начались тѣ-же бѣдствія, которыя испытываемы были въ пути до Эмбы: снѣгъ оказался еще глубже и тверже, верблюды падали десятками, и ихъ таскали по дорогѣ на произволъ судьбы. Чтобы облегчить верблюдамъ путь, былъ посланъ впередъ отрядъ кавалеріи съ цѣлью обмять снѣгъ, но не дешево досталось этимъ всадникамъ возложенное на нихъ порученіе: лошади ихъ всѣ забивали себѣ ноги, хотя ихъ часто смѣняли изъ арьергарда другими. Путь былъ столь труденъ, что въ первый день отрядъ прошелъ только девять верстъ. Добрались до Чучка-Кули лишь въ февралѣ 1840 г. Здѣсь ясно всѣ увидѣли, что

продолжать путь дальше немислимо. Перезимовать въ Чучка-Кулѣ тоже было невозможно, ибо и запасовъ здѣсь было мало, дровъ вовсе не было, да и достать ихъ было нельзя; воды также не было: хотя и имѣлся небольшой ключъ Акъ-Булакъ, но его было далеко не достаточно. Видя явную неудачу Перовскій все-таки послалъ полкъ уральцевъ при двухъ-трехъ фунтовыхъ орудіяхъ изслѣдовать Усть-Уртскій подъемъ, но черезъ недѣлю полкъ возвратился и донесъ, что на Усть-Уртѣ снѣгъ еще глубже и совсѣмъ нѣтъ пути.

Тяжело было Перовскому слушать о результатѣ командировки уральцевъ, и онъ, скрѣпя сердце, отдалъ приказъ о возвращеніи отряда на Эмбу. Но прежде этого послѣдовало распоряженіе объ упраздненіи Чучка-Кульскаго укрѣпленія при чемъ приказано было: весь лѣсъ съ построекъ употребить на топливо, взять съ собою то, что возможно, желѣзо все побросать въ озеро, бульонъ частью раздать войскамъ, частью взять съ собою; но изъ этой части много было киргизами брошено въ дорогѣ: они считали плитки бульона за кирпичи; муки же до 8000 четвертей было разсѣяно ими въ снѣгу, а ракеты и фальшфліеры сожжены. Гибеленъ былъ вѣрный другъ отряда и въ особенности пострадали солдаты и лошади Уфимскаго коннаго полка; дѣло доходило до того, что солдаты, пораженные скорбутомъ, ползали на колѣнкахъ и десятками уходили въ лазаретъ, откуда многіе ушли въ могилу. Лошади падали чуть не десятками. Авторъ самъ видѣлъ какъ трубачъ велъ свою лошадь въ поводу и, видя, что она дальше итти не можетъ, снялъ съ нея узду, поклонился ей, оставилъ на мѣстѣ и съ заплаканными глазами пришелъ на ночлегъ. Лошади башкирской и киргизской породы лучше выдерживали этотъ походъ.

Не легко было и офицерамъ: изъ нихъ многіе поплатились жизнью отъ скорбута. Легче было только штабнымъ, которые кормились въ буфетѣ маркиганта купца Дѣева, да еще арьергарднымъ казакамъ: эти всегда были сыты и пьяны, холоду не боялись по привычкѣ. Вотъ одинъ случай казачьей выносливости, видѣнной авторомъ: въ одной изъ стоянокъ

отряда въ пути до Эмбы, казаки водили лошадей къ рѣчкѣ на водоной и, пробивая ледъ, по неосторожности уронили въ воду казенный ломъ. Для того чтобы достать его, надобно было спуститься на дно. И что-же? Нашелся таки охотникъ изъ уральскихъ казаковъ: онъ запросилъ всего $\frac{1}{2}$ штофа водки; за этимъ дѣло, конечно, не стало, водку принесли и удалецъ русскій искупался, несмотря на 30° мороза: обвязавшись веревкой, онъ спустился въ воду и ломъ досталъ.

Чтобы облегчить тяжесть похода былъ избранъ путь мимо одного озера, на которомъ росло много камышу; это дало возможность сварить пищу и оживить людей. Здѣсь отрядъ дневалъ. При самыхъ бѣдственныхъ условіяхъ отрядъ достигъ, наконецъ, Эмбенскаго укрѣпленія. Перовскій съ Чучька-Кульскаго укрѣпленія уже не садился болѣе на лошадь; онъ ѣхалъ въ крытомъ экипажѣ и даже не показывался войскамъ. Когда воротились на Эмбу, то изъ пяти тысячнаго отряда недосчитались и половины, да и оставшіеся были уже люди слабые, съ которыми немислимо было весною тронуться въ Хиву. Отсюда Перовскій тотчасъ-же уѣхалъ въ Оренбургъ, при чемъ для пути его было нанято 400 верблюдовъ. Изъ Оренбурга онъ вскорѣ уѣхалъ въ Петербургъ съ цѣлью исплопотать новую экспедицію. Долго не получалось о немъ свѣдѣній; были слухи, что его даже арестовали и что онъ въ немило-сти у Государя, но чрезъ два мѣсяца получены были вѣрныя извѣстія и тутъ то узнали всю силу Перовскаго при Высочайшемъ дворѣ.

Все чины, оставшіеся въ живыхъ, получили награды: кто чинъ, а кто орденъ; Сверхъ того оставшіеся отъ экспедиціи неизрасходованными 500 т. рублей велѣно было раздать въ награду. Изъ первыхъ получилъ награду ген.-л. Толмачевъ — высшій орденъ, а за нимъ и ген.-м. Цюлковскій — Анну 1-ой ст., но чрезъ недѣлю былъ уволенъ въ отставку безъ прошенія. Это такъ его озлобило, что онъ тотчасъ-же уѣхалъ въ деревню, гдѣ чрезъ двѣ недѣли былъ убитъ своими вѣрнопостными людьми.

Авторъ, заканчивая свои воспоминанія, не можетъ не привести ходившаго тогда извѣстія о томъ, какъ былъ принять въ Петербургъ Перовскій. Когда авторъ чрезъ два года послѣ экспедиціи участвовалъ въ комиссіи, Высочайше назначенной для размежеванія земель между уральскими казаками и киргизами Букеевской орды, то отъ чиновника военного министерства этой же комиссіи слышалъ слѣдующее. Военный министръ Чернышевъ былъ недоволенъ Перовскимъ за то, что произведенная имъ экспедиція состоялась противъ желанія Чернышева, тѣмъ болѣе что Перовскій помимо министра лично испросилъ у Государя разрѣшеніе на означенный походъ. Поэтому пріемъ Перовскаго министромъ былъ очень сухъ и ему прямо было объявлено, что о представленіи его Государю министръ дастъ знать въ свое время. Повѣстки однако не было ровно мѣсяцъ, и Перовскій сидѣлъ въ своей квартирѣ. Отсюда и вышли толки, что онъ арестованъ. Наконецъ Перовскій получилъ приглашеніе представиться Государю при разводѣ съ прочими генералами, какъ ординарецъ хотя генераль-адъютанты имѣютъ особыя права. Являсь въ манежъ въ своемъ казачьемъ атаманскомъ мундирѣ, Перовскій всталъ особо отъ генераловъ, что замѣтилъ военный министръ и трижды чрезъ адъютанта напоминалъ ему присоединиться къ прочимъ генераламъ, но, Перовскій, передающъ, не повернулъ даже головы къ военному министру и такъ остался до пріѣзда Государя. Государь пріѣхалъ и, тотчасъ же обративъ на Перовскаго вниманіе, спросилъ министра: „Этотъ кто такой?“ Услышавъ, что это—Перовскій, Государь тотчасъ же подошелъ къ нему и спросилъ, давно-ли онъ пріѣхалъ? „Уже мѣсяцъ, Ваше Императорское Величество!“ Государь съ удивленіемъ посмотрѣлъ и спросилъ: „Почему-же ты до сего времени не явился ко мнѣ?“—„Это такъ было угодно военному министру“. Государь не посмотрѣлъ даже на Чернышева и, обратясь къ великому князю Михаилу Павловичу, сказалъ: „Братъ, произведи разводъ“, а Перовскаго взялъ за руку и сказалъ: „Перовскій, поѣдемъ со мною“, и уѣхалъ съ нимъ во дворецъ. Такой пріемъ озадачилъ всѣхъ, а въ

особенности Чернышева. Послѣ этого, конечно, посыпались награды. Государь призналъ экспедицію довольно успѣшною, тѣмъ болѣе что Хива все таки напугалась похода и возвратила всѣхъ плѣнныхъ, коихъ было до 500 человекъ. Перовскій получилъ чинъ генераль-лейтенанта и 20 т. рублей на поправленіе разстроеннаго здоровья. Вскорѣ онъ уѣхалъ за границу.

А. В. Игнатовичъ.

(Оренб. Л 1890 г., № 12).

Попытки сближенія съ Хивой. *)

(Изъ „Трудовъ“ Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи).

Государь Императоръ Александръ Павловичъ, озабочиваясь расширеніемъ нашихъ торговыхъ сношеній съ среднею Азією, рескриптомъ на имя военн.-губернатора генерала Эссена предписалъ ему привести въ исполненіе Высочайше одобренныя и содержащіяся въ приложенной къ рескрипту запискѣ мѣры, по которымъ, прежде всего, предполагалось не безполезнымъ отпавить отъ начальства Оренбургской линіи способнаго и надежнаго чиновника, военнаго или гражданскаго, но не высокаго чина, къ хивинскому хану не такъ, какъ бы какое дипломатическое лицо, но въ видѣ пограничнаго между начальствъ сношенія съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы онъ хану сему дружественно предложилъ:

1) „Что Россійскій Императоръ искренно желаетъ благополучія своихъ сосѣдей и въ то-же время готовъ имъ изъяснить всякую пріязнь, не желая другого съ ихъ стороны, какъ взаимнаго дружелюбія. 2) Если же взаимное дружелюбіе будетъ единожды прочно установлено, то очевидно, что польза обоихъ народовъ требуетъ всѣми возможными мѣрами способствовать свободнымъ торговымъ сообщеніямъ,

*) Выписка изъ дѣла Оренб.-ген.-губ. архива № 452 (нач. 22 февр. конч. 30 мая 1820 г.)